

«Человек дома» и «человек пути» в художественном мире Пушкина

Пушкин неоднократно признавался в своей любви к путешествиям: «С детских лет путешествия были моею любимой мечтою» («Путешествие в Арзрум»). «Прощайте, братцы: мне в дорогу, / А вам в постель уже пора» (19 октября 1928 года), – для Пушкина это «мне в дорогу» – состояние души, неуспокоенной, ищущей, жаждущей перемен и действия. Но от страсти к путешествиям неотторжима у поэта потребность в тепле домашнего очага, «любовь к родному пепелищу», «любовь к отеческим гробам». И Пушкин молится «божествам домашним», которые «науке первой учат / Чтить самого себя» («Еще одной высокой, важной песни...», 1829).

На антитезе дома и пути, «наследственной берлоги» и «большой дороги» («Дорожные жалобы») строятся многие пушкинские творения, а герои противопоставляются по предпочтениям своего или чужого пространства слишком часто, чтобы это было случайностью. Если сердце поэта обретает пищу в пространствах взаимоисключающих и по-разному дорогих, то пушкинские герои, которым автор явно не передает собственную всеохватность, тяготеют либо к домашней, оседлой жизни, либо к мобильности, скитанию, странствиям. Пространственной оппозицией «дом-путь» испытываются противостоящие друг другу ценностные установки пушкинских персонажей. «Человек дома» и «человек пути» (Ю. Лотман) в художественном мире Пушкина вводятся в разный аксиологический контекст, что и составляет предмет нашей статьи.

Татьяна, «милый идеал» Пушкина, представлена в подчеркнутой привязанности к месту рождения. Татьяна готова отдать «ветошь маскарада» успешной светской жизни «за те места», в которых прошло ее детство, «За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище» (8, XLVI).

По Пушкину, привязанностью к родному дому питается чувство самодостаточности, «самостоянье» человека. При этом герой Пушкина

привязан именно к определенной точке пространства, к личностному микрокосму, но не к родным людям (здесь дает о себе знать, несомненно, биографический фактор, но, может быть, сказываются и более глубинные прозрения Пушкина о связи человека с определенным местом). Татьяна, которая «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой», дорожит памятью о «нашем бедном жилище», но в сокровенном объяснении с Онегиным не упоминает о родителях. Для нее дом ее детства - идеал камерного существования, в котором природа занимает больше места, чем люди, а широкому кругу общения и новизне предпочитают уединение, мирное течение жизни, повторяемость событий. М. Бахтин писал о том, что существование человека в идиллическом мире характеризуется «органической прикрепленностью, приращенностью жизни и ее событий к месту» [1, с. 374]. Вырванная из идиллического мира, Татьяна сохраняет его в душе. Изменяется пространственная горизонталь, неизменной остается духовная вертикаль. Ситуацию Татьяны 8-ой главы точно характеризуют слова Гегеля: «перед нами царство внешнего как такового, освобожденного от прочного единства с духом; внешнее становится теперь целиком эмпирической действительностью, образ которой не затрагивает души» [2, с. 241].

Герой, привязанный к месту (Татьяна, Маша Миронова) идеализируется Пушкиным. Но центральная фигура в произведениях Пушкина – внутренне близкий автору странствующий персонаж. Онегин характеризуется динамичностью образа жизни, всегдашней готовностью к путешествию по неизведанным пространствам («Онегин был готов со мною / Увидеть чуждые страны» – 1, LI).

Человек пути у Пушкина представлен в двух ракурсах изображения в зависимости от того, *что* им движет: «Спасенья верный путь» или «охота к перемене мест». Пушкин изображает и линейное, однонаправленное движение в пространстве, когда путешествие – только средство, так и разнонаправленное, когда странствие самоценно, становится целью.

Пушкинский романтический персонаж, как правило, движется к единственно значимой цели жизненного пути. Свои искания идеала он осуществляет как бегство из неидеального пространства в поиске идеального («И в край далекий полетел / С веселым призраком свободы»). В романтическом тексте встречается и разнонаправленность, связанная с вынужденным / добровольным изгнанием:

Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
(«К Языкову», 1824)

Направленное движение представлено в религиозно-философских стихотворениях, темой которых является поиск «верного пути» («Пророк», 1826; «Странник», 1835; «Напрасно я бегу к сибирским высотам...», 1836), а лирическим героем движет мысль о спасительности преодоления того или иного рубежа.

В реалистических произведениях Пушкина причиной странствий персонажей нередко становится отсутствие или размывание ценностно значимых границ, осознание их относительности. Онегин первой главы жаждет путешествия в состоянии «роптанья вечного души»:

Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши
Роптанье вечное души (1, IX)

Встреча с иной реальностью не мыслится как встреча с идеалом. Отсутствие смысла жизни *здесь* не сопровождается надеждой на обретение смысла *там*. «Охота к перемене мест» героев объясняется то суетностью, то поверхностностью духовного мира («коснуться до всего слегка»). Чаще всего «странствия без цели» связываются с беспокойством, отсутствием мира в

душе героя. «Им овладело беспокойство, охота к перемене мест» (8, XIII), – сообщается в романе «Евгений Онегин» о герое, убившем на дуэли друга. Странствие изображается как ненаправленное движение, чуждое иллюзий, не открывающее новых возможностей, ни к чему не ведущее. Однако мнение Достоевского о скитальцах Пушкина как лишние людях, обреченных на бессмысленное странствие в попытках найти истину вне себя, но и вне Бога, односторонне. Хотя «странствия без цели» не предполагают вертикального устремления, Онегин возвращается *готовый* полюбить Татьяну, то есть возвращается другим. Напомним, по Пушкину, любовь приходит только к тем, кто ее ждет, кто готов к ней: «Душа ждала... кого-нибудь, / И дождалась» (3, VII–VIII). В восьмой главе встречаются герои, каждый из которых изменился. При этом изменение каждого следует за путешествием, от которого ни он ни она ничего не ждут.

Искать себя (человек дома) или бежать от себя, искать вне себя (человек пути) – таковы направления пушкинской художественной мысли. Доминанта внутреннего над внешним в сознании человека дома, когда искомый идеал не связывается с местом, выдерживается непоследовательно. Так, Татьяна, обращенная в себя, дорожит определенным пространством. Доминанта внешнего достаточно жестко выдержана в изображении человека пути, искания которого неизменно связаны именно со внешним, будь то иное географическое пространство, или мир любимого человека: «Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с Вами днем увижусь я» (8, «Письмо Онегина к Татьяне»). Тем не менее у полюбившего Онегина восьмой главы обычный для него мотив «стремглав помчался» дополняется полетом воображенья, то есть внутреннего движения: «А перед ним воображенье / Свой пестрый мечет фараон» (8, XXXVII).

Два разных способа вписаться в пространство (оседлый и мобильный) дают сходные, не противоречащие друг другу перспективы в случае, если пространство как минимум не разрушительно для личности, а по максимуму несет ей спасительное обновление. Именно второй вариант находит

воплощение в мире Пушкина. Человек может питаться смыслами пространства (Татьяна в деревне), но может и насыщать смыслами, одухотворять пространство, в котором должен жить (Татьяна-хозяйка светского салона).

Если сюжет путешествия как средства (обретения смысла жизни или спасения) многократно становился предметом научных публикаций, то исследование «странствия без цели», видимо, представлялось пушкинистам слишком легковесной задачей для серьезных изысканий. Зато в других областях знания предпринимались попытки «взглянуть на строки Пушкина» глазами географа или генетика, культуролога и т. п.

Так, географы составили карту путешествий Пушкина, подсчитав, что путь Пушкина равен 34 тысячам километров.

Доктор биологических наук академик Михаил Голубковский пишет о «факторе *генетической* предрасположенности к перемене мест и странствиям»: «Частота данного фактора в популяции невелика. Но желание его утоления воспринимается как неминуемый “добровольный крест”. Разные грани этой же врожденной черты: страсть к новым впечатлениям, переменам места, путешествиям, опасностям – ко всему, что дает пищу внутренней жизни. В яркой степени были свойственны гению Пушкина. Его просто тяготило однообразие: “Меня что-то давит. Душит, когда я засиживаюсь на одном месте, ездить хочу, менять места”» [3, с. 213]. Предпочтение мобильного или оседлого образа жизни академик объясняет типами молекул: «Особенности появления плеяды поведенческих признаков, обозначенных психологами “поиск нового”, включая ряд черт темперамента, в значительной степени зависят от двух типов молекул, ответственных за проведение сигналов между нервными клетками: дофамин и серотонин, производные аминокислот тирозина и триптофана» [3, с. 213].

В работе культуролога Элеоноры Лассан «Дорога без конца как русская национальная идея» ненаправленное движение объясняется уже не генетически, а национальным архетипом: «Идея движения без очерченного

ориентира составляет архетипическую идею русского сознания, реализуясь в разные исторические периоды определенным образом в деятельности или тексте, но сохраняя свой инвариант: представление о самоценности движения, а не цели» [4, с. 268 – 269]. Русские, по выражению другого культуролога Т. Б. Щепанской, – это «движущийся этнос с самосознанием оседлого» [5, с. 8]. Последняя характеристика представляется очень значимой для понимания Пушкина.

Жажда странствий, «охота к перемене мест» самим поэтом воспринимается как «Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест» (8, XIII). Однако повторяющиеся оксюморонные обороты «добровольный крест» или «изгнанник самовольный» указывают не столько на генетически заданное свойство «немногих», сколько на *сознательное* решение, по своей воле сделанный выбор. Называя себя «изгнанником самовольным», Пушкин открывает, что гонения приходят извне, а причины их таятся внутри. Обычны для Пушкина характеристики, в которых предпочтение «чужих краев» своему объясняется связкой внешних и внутренних причин: «изгнанник самовольный, / И светом, и собой, и жизнью недовольный» («К Овидию», 1821) или «Краев чужих неопытный любитель / И своего всегдашний обвинитель» («Краев чужих неопытный любитель», 1817 г.).

Для Пушкина странствие настойчиво ассоциируется с побегом. Этот «побег» может иметь направленность: «Пустился в темный лес!» («Не дай мне Бог сойти с ума...», 1833) или во «мрак чужого сада» («В начале жизни школу помню я ...», 1830), или «к сионским высотам» («Напрасно я бегу к сионским высотам, 1836) в символическое безгрешное пространство. И в таком случае побег-странствие свидетельствует о проблемах человека, оказавшегося во власти *необходимости*. Иное дело «поэтический побег» («К морю») «искателя новых впечатлений» («Погасло дневное светило»). «Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум» («Поэту») – пушкинская формула творческого состояния, в котором свобода сознания

неотделима от свободы движения в пространстве, понимаемом и метафорически, и буквально.

Пушкинское море – «побег» от «скучного, неподвижного берега», преодоление неподвижности, замкнутости, стремление утвердить безграничность личного пространства. Привязанность к берегу сковывает. Оседлость связывается с пленением житейским, несвободой политической. «Путешествие нужно мне нравственно и физически», – пишет Пушкин П. В. Нащокину в феврале 1833 г. Для Пушкина свобода не в последнюю очередь воспринимается как власть над пространством, растворение в бесконечности. Удовлетворение «охоты к перемене мест» (8, XIII) свидетельствует о достижении человеком идеала свободного существования. Система ценностей Пушкина основывается на идее пути вследствие свободного выбора человека. Свобода синонимична «прихоти», по которой перемещаются в пространстве: «По прихоти своей скитаться здесь и там» («Из Пиндемонти»).

Странствие, предпринятое «по прихоти своей», желанно для Пушкина-человека, а в определенном контексте мыслится как его жизненный идеал, но, как правило, указывает на проблемы его героев, в той или иной мере далеких или удаляющихся от идеала. При этом такие герои изображены в свете негативных оценок их окружения, далеко не всегда симпатичного автору.

Примечательны совпадения в художественной интерпретации «охоты странствий» Пушкиным и Грибоедовым. Оба поэта вводят любителя путешествий в сходный оценочный контекст: окружающие не понимают и не одобряют героя, который кажется им чужим или сумасшедшим. В желании Чацкого «объехать целый свет» Софья видит проявление его самомнения, завышенной самооценки: «Вот об себе задумал он высоко — / Охота странствовать напала на него» («Горе от ума», д. 1, явл. 5). У Пушкина странствующий герой оказывается в позиции наблюдателя, чужим в пространстве, в которое он входит («Для всех он кажется чужим» – 8, VII).

У обоих авторов «охота к перемене мест», неукорененность, бездомность, непоседливость связывается с мужскими образами, а потребность в устойчивом местопребывании, привязанность к дому с его домовыми или *ларами* – с женскими. Софье непонятно, «зачем ума искать и ехать так далёко?» («Горе от ума», д.1, явл. 5); «Татьяне страшен зимний путь» (7, XXX), не по своей воле оставляет она родную деревню.

Мужская активность, установка на овладение (властвовать над кем-то или чем-то – в отличие от женского «властвовать собой»), потенции к разрушению и созиданию нового противопоставляются женским установкам на созидание в рамках устоявшейся жизни, подчинение, приспособление к существующему порядку, следование привычке, традиции. Женщина воспитана в духе приятия жизни, мужчина исходит из соображений требовательности к жизни. Мужчина – гость в мире, женщина – хозяйка в доме. Как мужские, так и женские пары образов-антагонистов в «Каменном госте» объединяются пространственными характеристиками: столь несхожие Дон Гуан и Дон Карлос – *гости* в домах столь же различных меж собой Лауры и Доны Анны. В финале пьесы в доме Доны Анны появляется Командор – каменный *гость*.

«Обливаясь слезами», в кибитку садятся юноши, которым только предстоит повзрослеть («Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами»). Дети и женщины предпочитают не расставаться с *домашними*. Маша Миронова отправляется в Царское село ради встречи с государыней, чтобы спасти любимого. И «не любопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...». Любопытство к чужим краям, как представляется авторам «Горя от ума» и «Капитанской дочки», не свойственно женщине, чье место – родное знакомое пространство, в котором «нет ничего экзотического, чужого и чуждого» (М. Бахтин). Но женщина лучше мужчины приспособлена играть предназначенную ей роль. Татьяна в роли жены «важного генерала» становится идеальным центром мира, притягивающим к себе всех и вся. Онегин поражен тому, «как изменилася

Татьяна! / Как твердо в роль свою вошла! / Как утеснительного сана / Приемы скоро приняла!» (8, XXVIII). Независимо от своих идеальных установок на жизнь там, где «милее» («мне милее»), Татьяна соответствует пространству обитания.

И для Грибоедова, и для Пушкина «охота странствовать» связывается с *рациональным* мужским началом, оседлость – с *эмоциональным* женским. Мысль И. И. Дмитриева «Ум любит странствовать, а сердце жить на месте» обоими поэтами трактуется, как сказали бы наши современники, в гендерном аспекте. Рассудок нуждается в расширении предметной сферы, эмпирического опыта, тогда как человек с верой и любовью не нуждается в «перемене мест». У Чацкого «Ум с сердцем не в ладу», сердце Софьи выбирает того, кого выбрал и ее ум – человека, способного «осчастливить семейство» (см. «Горе от ума», д. 3, явл. 1).

Оппозиция «родного» и «чужого» презервруется на истинность любовью. Вечно спорящие Чацкий и Софья сходятся в одном: от любимого человека не уезжают. «Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та? / Чтоб, кроме вас, ему мир целый / Казался прах и суета?» («Горе от ума», д. 3, явл.1), – вопрошает Чацкий «Ах! если любит кто кого / Зачем ума искать и ехать так далёко?» («Горе от ума», д. 1, явл. 5), – уверена Софья. И лишь оскорбленное чувство толкает человека на бегство от предмета своей любви: «Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, / Где оскорбленному есть чувству уголок!» («Горе от ума», д. 4, явл. 14).

Таким образом, в художественном мире Пушкина воплощены как «человек дома», так и «человек пути». Первый чаще всего вводится в идеализирующий контекст, но второй, по всей вероятности, интересует автора больше. Пушкин художественно воссоздает различные национальные типы «человека пути». Классический русский скиталец обречен на вечный поиск идеала на земле, классический русский странник отправляется в странствия во имя приближения к небесной реальности, классический русский путешественник в чужих землях ищет не опровержения норм жизни

привычного пространства, но *расширения* пространства собственной жизни, включения в свой опыт опыта жизни в ином пространстве.

Концептуально-смысловые константы дорожной темы в пушкинском творчестве следующие: абсолютизация пути как идеала в случае скитания по прихоти совмещается с изображением направленного движения по внешней или внутренней необходимости как неидеальных моментов в жизни человека. Женщина в художественном мире Пушкина ближе к идеалу, чем мужчина, что косвенно подтверждается изображением ее в стабильном мире, в домашнем пространстве, тогда как для мужчины более естественным является движение в пространстве. В мире героев цели перемещения в пространстве вызваны практической необходимостью; в идеальном мире поэта – не прагматичны, внесоциальны.

И неизменно изображение человека дома или человека пути связывается Пушкиным с осознанием свободы или несвободы личности, по своей воле выбирающей уютную защищенность домашнего пространства или «обнадеживающую бесприютность» [6, с. 145] дороги.

Литература

1. Бахтин, М. М. Время и пространство в произведениях Гете / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 204–236.
2. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Искусство, 1969. – Т. 2. – 248 с.
3. Голубковский, М. Над страницами Пушкина: заметки генетика / М. Голубковский // Нева. – 2011. – № 6. – С. 210–221.
4. Лассан, Э. Еще раз о значении, концепте и концептосфере / Э. Лассан // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса Международ. ассоциации преподавателей рус. яз и лит., Санкт-Петербург, 30 июня-5 июля 2003 г.: в 2 т. / Под ред. Е. Е. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – Т. 1. – С. 265–274.
5. Щепанская, Т. Б. *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв.* / Т. Б. Щепанская. – М.: Индрик, 2003. – 527 с.
6. Панарин, А. Н. В. Гоголь как зеркало русского странствия по дорогам истории / А. Панарин // Москва. – 2003. – № 6. – С. 145–166.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ